

— С сегодняшнего дня буду звать тебя Посох Поцзюнь!

Раз уж это его собственное оружие, его, естественно, требовалось переименовать. Шао Цзюнь легко улыбнулся, и Посох Поцзюнь уменьшился, оказавшись невероятно удобным.

Оружие появилось, уровень культивации тоже был высок, и Шао Цзюнь созвал домочадцев, чтобы основать организацию.

— Наш клан Шао с сегодняшнего дня официально создан. Мой отец — первый глава семьи, ни у кого нет возражений? — безмятежно произнес Шао Цзюнь.

— Никаких!

— Полностью поддерживаем!

— Наш старый клан Шао наконец-то возвысится.

Несколько человек взяли на себя инициативу выразить поддержку, и на лицах каждого расцвели улыбки.

— Хорошо!

Шао Цзюнь кивнул и сказал:

— Мой дед погиб, второй дед слишком стар и уже не способен ничем управлять, так что впредь третий и пятый деда будут старейшинами-наставниками, дядя Лунь — главным старейшиной, дядя Цзюнь — вторым старейшиной, дядя Цзян — третьим старейшиной. Что до остальных, обсудите должности между собой.

Все те люди, которых назвал Шао Цзюнь, обладали способностями и при этом никогда не переходили ему дорогу. Среди них семью второго деда полностью обошли вниманием.

Раздав эти указания, Шао Цзюнь больше не стал вмешиваться в прочие дела, поднялся и ушел, предоставляя отцу Шао Мину проявить себя.

Шао Мин занял главное место, окинул всех взглядом и произнес:

— Шао Юн будет главным управляющим, Шао Чжун — вторым управляющим, Шао Ган отвечает за закупки, а кандидатуры остальных обсудим позже.

Семья второго деда переглянулась: никому из них не досталось ни единой должности.

Помимо затаенной обиды между семейством второго деда и семейством Шао Цзюня, те действительно ни на что не годились. У второго деда было три сына: старший — пропитой хвастун, который только всё портил и ни на что не был способен.

Средний сын и вовсе дурачок: никакой работы выполнить не может, а жрет за двоих.

Младший сын получше, умел только работать и есть.

Старший внук еще куда ни шло, но тоже катился по наклонной.

Второй внук — совсем беда: мелкий и бестолковый.

Третий внук — ленивый, хвастливый, никчемный, но при этом жутко заносчивый.

Раз уж им ничего не досталось, второй дед попросту забрал родню и ушел, решив полностью порвать с этим кланом и вести дела самостоятельно.

В то время Шао Цзюнь и так ничего хорошего родственникам второго деда не перепало — им попросту швыряли объедки со стола.

Шао Мин к семейству второго дяди тоже относился равнодушно: ушли — и отлично, меньше обузы.

Клан был основан, и клан Шао сперва захватил торговую сферу: открыл лавки пилюль и артефактов и всего за месяц сокрушил остальные магазины на острове, громко заявив о себе.

Раздобыв богатства, они принялись привлекать сильных экспертов. Пилюли Шао Цзюня были настолько превосходны, что о Воинах и говорить нечего — даже практики уровня Чжэньжэнь становились гостевыми старейшинами клана Шао.

Обзаведясь силой, они, разумеется, захватили резиденцию городского правителя, и клан Шао без труда стал хозяином этого острова.

Семья Е Дуо последовала за кланом Шао, зажила на широкую ногу, обзавелась собственным большим домом и лавками, на какое-то время оказавшись на вершине славы.

Тан Цзин не желал во всё это ввязываться, отступил назад, велел сыну Е Хуаю не высовываться и позволил клану Шао буйствовать.

Утвердившись на новом месте, Шао Цзюнь решил заняться Тан Цзином: взвалив на плечо Посох Поцзюнь, он заявился прямо к нему.

— Либо покоритесь!

— Либо погибнете!

— Решайте сами!

Шао Цзюнь смотрел на Тан Цзина с высоты своего величия, ни во что его не ставя.

— Я покоряюсь!

Тан Цзин даже раздумывать не стал: ему не хотелось лишних хлопот. Посмотрим, что этот сопляк задумал?

— Отлично!

Поведением Тан Цзина Шао Цзюнь остался крайне доволен.

— Раз покорился, выдай свою дочь, и внучку прихвати!

Шао Цзюнь взглянул на Цинь Тянь и остальных. Он был потрясен: хотя ему уже доводилось встречать немало красавиц, внешность Цинь Тянь и остальных всё равно затронула его сердце.

Тан Цзин промолчал, потер лоб и тяжело вздохнул: судя по всему, без драки обойтись не удастся!

— Даю тебе месяц на подготовку, в назначенный срок приведешь их сам. И не вздумай бежать, этот остров уже запечатан мной.

Шао Цзюнь не спешил. Разве согласие Тан Цзина имело какое-то значение?

Никакого!

Облизнув губы, он улетел.

Тан Цзин ничего не ответил, позволив ему уйти — разобраться можно будет и позже.

У каждого свои возможности. Тан Цзин понятия не имел, с чего вдруг Шао Цзюнь так резко возвысился, но он не боялся: раз не можешь одолеть — беги!

Вернувшись домой, Шао Цзюнь велел готовиться: ровно через месяц он берет наложницу!

Клан Шао закрутился в хлопотах, заставив работать всё население острова.

Шао Си!

Этому мужчине было тридцать пять лет, и он до сих пор не обзавелся семьей, а лицом вышел несколько оскверненно-плутовато.

Хотя он принадлежал к клану Шао, никаких дивидендов с этого не поимел. В этот момент он тащил на спине добытый нефрит и со всех ног бежал вслед за нанимателем.

Шао Си не был Воином — к культивации у него не лежала душа, и он оставался обычным смертным.

Нанимателем же был Тан Цзин. Приблизившись к Шао Си, он преследовал цель вырастить этого дурачка на противовес Шао Цзюню.

Вскоре они достигли цели. Заплатив деньги, Тан Цзин сделал вид, что потерял бдительность, и подбросил среди прочих вещей магический артефакт, передав его Шао Си.

Будучи человеком ничтожным, Шао Си вовсе не отличался бескорыстием — всё, что досталось сверх платы, он загреб себе.

Нефритовая подвеска!

Всё верно: внутри нее было пространство, нефритовая подвеска культиватора!

А вот обретёт ли он шанс на судьбоносную встречу с удачей, зависело уже от самого Шао Си.

Пусть Шао Си и не был Воином, об артефактах он слышал. Вернувшись домой, он тут же капнул на нее кровью для признания хозяина.

И точно!

Артефакт признал его, и Шао Си перенесся во внутреннее пространство подвески.

— И на моей улице настанет праздник!

Шао Си прокрался в хранилище пилюль и принялся их красть!

Как хозяин артефакта, он был защищен правилами его внутреннего мира, и даже самые могущественные тамошние практики ничего не могли с ним поделать.

Шао Си обедался пилюлями, пока напрямую не прорвался до уровня Чжэньжэнь. Пусть у него не было ни техник боевых искусств, ни заклинаний, но он обладал колоссальной силой: стоило ему пошевелить рукой, как движение воздуха могло убивать людей.

Обрета силу, кто же не возжелает власти?

Через духа-хранителя артефакта Шао Си подчинил находившихся там практиков и теперь мог выпускать их наружу сражаться за себя.

Ранним утром того же дня Шао Си, подражая Шао Цзюню, созвал родню, сперва накормил всех пилюлями, чтобы наделить силой, а затем объявил о создании клана Шао!

Выпустив подручных и прихватив семью, он пышно и громогласно двинулся в путь, напрямую атаковав город.

Действия Шао Си встревожили Шао Цзюня, и тот во главе сильных бойцов выступил на перехват.

— Шао Си, жить надоело?

— Шао Цзюнь, это твой час пробил!

— Думаешь, раз урвал крошечную удачу, сможешь со мной тягаться?

— Хватит болтать, сегодня ты непременно сдохнешь!

— По силам ли тебе?

— А вот проверим!

Хмыкнув, Шао Си взмахнул рукой, и его люди бросились в атаку. Все они были свирепы и непобедимы, в несколько мгновений обратив отряд Шао Цзюня в бегство и заставив драпать поджав хвосты.

— Сдохни!

Размахивая Посохом Поцзюнь, Шао Цзюнь сошелся в бою с людьми Шао Си. Как-никак, он некогда был великим императором, владел искусными приемами, и какое-то время они

сражались на равных.

Заметив, что людей не хватает, Шао Си выпустил новых. Стоило численности возрасти, как Шао Цзюнь перестал справляться и был вынужден спасаться бегством.

Лишившись Шао Цзюня, Шао Мин и остальные могли лишь покорно ждать участи. Захватив город, Шао Си не стал устраивать резню — лишь запер часть людей, а с остальными поступил как прежде.

Обретя силу и власть, Шао Си принялся подыскивать себе женщин — завел с десятков наложниц, да так, что едва успевал ухаживать за всеми.

В отличие от Шао Цзюня, Шао Си оставался мелкой сошкой: не ведал ни великой любви, ни лютой ненависти, да и грандиозных амбиций не питал. Сейчас он хотел лишь стеречь свой крошечный клочок земли и жить в тишине и покое, а потому и в мысли не брал идти разбираться с Тан Цзином.

Конечно, главной причиной было то, что дух-артефакт предостерег его не связываться с Тан Цзином — иначе от дочерей Тан Цзина у любого слюнки потекли бы.

В один прекрасный день на острове проявился массив, погубивший немало жизней. Шао Си не смог с ним справиться, и тогда на разведку прибыл Тан Цзин.

— Телепортационный массив?

Заметив формацию, Тан Цзин удивился: смертоносный телепортационный массив — и впрямь редкое зрелище!

Прислушавшись к ощущениям и не уловив опасности, Тан Цзин шагнул внутрь.

— Ой!

Издав странный вопль, Тан Цзин исчез в лучах телепортации.

Из-за него массив разрушился, и на острове вновь воцарилась тишина.

— Гроб?

Тан Цзин в самые страшные кошмары не мог вообразить, что на другом конце телепортации окажется нутро гроба.

— Какая пакость!

Пхнув крышку, Тан Цзин выпрыгнул наружу.

Стояла темная ночь, накрапывал мелкий дождь, задувал ледяной ветер.

— Что за проклятое место?

Тан Цзин озирался по сторонам: в воздухе не ощущалось ни малейших колебаний духовной энергии, это была самая настоящая бесплодная глушь!

— Там что, люди?

Заметив вдали огонек, Тан Цзин двинулся в путь.

Сейчас он находился на горе, а свет виднелся у ее подножия.

Он попытался взлететь, но не смог; впрочем, шаг у него был быстрый, и вскоре он добрался до освещенного места.

Разбитая дверь!

Выбитые окна!

Ветхая лачуга!

Заглянув сквозь щель, он увидел внутри людей.

— Ничтожество!

— Ублюдок!

— Сдохни же!

Взрослый избивал ребенка. Малыш сидел на земле совсем голый, обхватив голову руками, не плача и не крича, покорно принимая удары и пинки мужчины.

Бац!

Тан Цзин ударом ноги выбил дверь и шагнул внутрь.

— Ты еще кто?

Мужчина обернулся, но из-за слабого света не смог разглядеть его лицо.

Тан Цзин не стал тратить слов: подскочив, он сжал горло мужчины, выволок его, словнодохлую собаку, на улицу и, заметив неподалеку яму, швырнул туда.

Расправившись с мужиком, Тан Цзин вернулся в дом, осмотрел убогое жилище этой семьи и поморщился от брезгливости, но, подумав, решил, что на одну ночь сойдет и так.

Ребенок взглянул на Тан Цзина, по-прежнему не издавая ни звука, поднялся, забрался на кровать и надел одежду.

Лишь когда малыш встал, Тан Цзин заметил, что это маленькая девочка. Он хотел что-то сказать, но промолчал.

На девочке были лишь короткие рукава и тонкие штанишки, и она дрожала от холода.

На кровати не оказалось ни одеяла, ни матраса — лишь одинокая простыня, постеленная прямо на голые доски.

Тан Цзин почувствовал голод. Оглядевшись, он не обнаружил ни риса — лишь горстку мелкого картофеля на полу.

— Какая жалость...

Тан Цзин покачал головой: ему даже стало совесть есть чужой картофель.

В очаге еще теплилось немного жара. Подув на угли и подбросив хвороста, он развел огонь.

Порывшись в шкафах и тщательно всё проверив, масла он не нашел — осталась лишь щепотка соли да банка соуса чили. Приготовить нормальный ужин с таким набором не представлялось возможным.

Поразмыслив, он вышел наружу и, услышав неподалеку странные звуки, подстрелил несколько незнакомых зверьков.

Каждый весил по два-три цзиня, а в сумме набралось с десятков — на один раз хватит с избытком.

Сняв шкуры и сварив мясо, он вскоре приготовил еду и сперва налил миску девочке, полагая, что та откажется, но та принялась уплетать за обе щеки.

Раз так, Тан Цзин больше ничего не сказал. Он тоже проголодался, достал соус чили и кое-как поужинал.

Спустя полчаса, наевшись, они собрались спать, но жутко холодало!

Тан Цзиню пришлось снова натаскать охапку дров, развести костер прямо на полу, придвинуть шкаф, чтобы заслонить проем от сквозняка, после чего, прислонившись к краю кровати, он устроился на ночлег.

Ночь прошла спокойно. Проснувшись на следующее утро, Тан Цзин с удивлением обнаружил, что девочка прижалась к его груди.

Полежав немного, Тан Цзин встал. Девочка тоже проснулась, но ничего не сказала, поднялась, вернулась на кровать и, содрогаясь от холода, сжалась в комочек.

Не обращая на нее внимания, Тан Цзин вышел наружу, чтобы осмотреть окрестности.

Куда ни кинь взгляд, вокруг виднелись дома, но стоило ему подойти ближе, как выяснилось, что селение заброшено.

Во всех дворах было пусто, имущество вынесено. Обыскав чужие дома, он не нашел ничего, кроме соли и глутамата натрия.

Не желая сдаваться, он продолжил поиски и к полудню в одном из запертых домов отыскал рис, одеяла и прочий скарб.

Тан Цзин церемониться не стал: перетащил всё к себе, первым делом застелил кровать, чтобы девочка согрелась.

Раз появился рис — надо варить кашу!

Закуски не было, так что пообедали кое-как с соусом чили.

Обзаведшись одеялами, Тан Цзин устроил себе постель на полу, но на следующее утро девочка снова прижалась к нему во сне.

— Бедная сиротка...

Тан Цзин покачал головой, поднялся и вышел: сегодня предстояло раздобыть какой-нибудь еды к столу.

На ближайшем огороде и впрямь нашлось немного пекинской капусты, а вдобавок удалось поймать кролика — сегодняшний рацион обещал быть куда лучше.

Вернувшись в дом девочки, он обнаружил, что рис уже сварен. Тан Цзин принялся стряпать: потушил крольчатину с капустой в одном котле, добавил соуса чили, и вышло вполне сносно.

Незаметно пролетел еще один день. На следующее утро девочка по-прежнему жалась к его боку; Тан Цзин уже привык и оставил это без внимания.

Пробыв здесь несколько дней, он понимал, что оставаться дольше нельзя. Тан Цзин вернулся на то место, где появился в этом мире, в надежде найти способ выбраться.

— Да быть не может!

Добравшись до нужной точки, внутри гроба Тан Цзин обнаружил фотографию, на которой были запечатлены они с девочкой.

— Просто совпадение?

Поскребнув затылок, Тан Цзин никак не мог взять в толк причину происходящего.

Никаких пространственных колебаний поблизости не ощущалось, а значит, уйти отсюда этим путем не представлялось возможным. Тан Цзин вернулся в дом девочки.

Она уже сварила рис и теперь выглядывала за порог, а заметив возвращение Тан Цзина, явно несказанно обрадовалась.

— Пойдешь со мной?

Тан Цзин решил уходить: оставаться в этом месте было не для живых. Девочку ему стало жалко, и он твердо намерился взять ее с собой.

— Угу-угу!

Девочка торопливо закивала, страхась быть брошенной, подбежала к нему и вцепилась в руку изо всех сил.